

RUGRAM

ДАНИЛА КРЫЛОВ

ФУГА

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 6

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
К85

Крылов, Д.

К85 Фуга : [стихи] / Данила Крылов. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2026. — 50 с. — (Серия «Пальмира — поэзия»).

ISBN 978-5-517-13753-1

Фуга как форма полифонической музыки предполагает последовательное повторение одной темы несколькими голосами. Данила Крылов не случайно назвал свой сборник стихов именно так. На первый взгляд может показаться, что стихи поэта — о самом разном: поездке в поезде, покраске ограды у тети Тани, прогулке в Павловском парке и Эрмитаже, трудном пути ледокола и ледоходе на реке, о неспесивости солнца и запахе розы, о страхе умереть во сне и о боге, который «в огромном кинозале» наблюдает «за земными кознями»... Но здесь, в диалогах с Анненским и Вячеславом Ивановым, с античной и древнеегипетской культурой, в полифонии голосов звучит одна тема — жизнь во всей ее сложности, напряженности, насыщенности и красоте.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Крылов Д. А., 2026

© Оформление.

ООО «Руграм»,

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

ISBN 978-5-517-13753-1

* * *

Страшно ночью в купе одному:
непонятно — откуда, куда
мчатся через крошечную тьму
эти фирменные поезда.

Как случилось, что в мире, где три
триллиона галактик, ты вдруг
сам себя обнаружил внутри
комфортабельной капсулы? Люк

или дверь герметично закрыв,
в одеяло уйдя с головой,
ты летишь в бесконечный обрыв,
беззащитный, ничтожный, живой.

Но у страха глаза велики.
Милосердна к нам чёрная даль.
Проезжая село Тростники,
вспоминаю твой ужас, Паскаль.

На живущих твой ужас умножь.
Что же всех нас, ничтожных, роднит?
Эта жалость, бессмертная дрожь,
протяжённость пространств и орбит.

* * *

Чем пахнет роза? Розой. Синестет
заметит, что словарь мой небогат:
цвет — это запах, запах — это цвет.
Тогда я слышу красный аромат.

А если роза белая? Тогда
глаза закрой. Что видишь? Темноту.
от розы не осталось и следа,
но запах неотвязчивый, он тут.

Дух розы ускользнул от зорких глаз,
не бел, как снег, не красен, словно кровь.
Как будто независимо от нас
цветут на свете счастье и любовь.

Открой глаза: любви и счастья нет.
И ты один лишь в этом виноват.
Цвет — это запах, запах — это цвет.
Вдохни, пьянея, красный аромат.

* * *

Приятно думать, что Державин
любил с гостями слушать Баха.
Пусть стих его отнюдь не плавлен,
в нём много силы и размаха.

Ведь у поэта меньше власти
над неподатливой породой:
как можно фугу или «Страсти...»
сравнить с его шершавой одой?

«Средь тучных туч, раздранных с треском».
Да, вычурно. Но разве плохо?
А что нет пушкинского блеска,
в том виноват язык, эпоха...

Мы восхищаемся изъясном,
мы рады этому по-детски,
ведь сам Гаврила с Себастьяном
давно болтает по-немецки.

* * *

Ни маршалом, ни космонавтом не стал,
ни магом в чалме, ни атлетом,
ни телеведущим: я с детства мечтал
стать тем безнадёжным эстетом,

что даже револьвер приставив к виску,
решив, что не может быть гаже,
удачным пассажем смиряет тоску
и боль утоляет пейзажем.

И что же? Лелея надежду мою,
и тут потерпел неудачу:
не грежу, над вымыслом слёзы не лью,
над тучкой жемчужной не плачу.

И всласть настрадавшись, устав от мытарств,
поблагодарив за подарок,
я не принимаю подобных лекарств:
духовных заплат и припарок.

Но всё же расстаться с мечтой не могу
и в ряд с амфибрахией звонким
любуюсь вороной на белом снегу
и девушкой с профилем тонким.

* * *

Как будто нужно тёте Тане,
чтоб мы полдня потели тут.
Но мы с тобой, как египтяне,
берёмся бережно за труд.

Ведь не в еде и не в лекарстве
она нуждается... Жара.
Мы что, с тобою в Среднем царстве —
и нами правят Гор и Ра?

Ну вот, покрашена ограда,
вокруг повырвана трава...
Я не любил ее... Не надо,
чтобы она была жива...

Уже посажен синий ирис
и нам пора в обратный путь:
теперь Анубис и Осирис
о ней заботятся... Забудь.

Троице-Сергиева лавра

Не монастырь — кулич или пирог
творожный со свечой посередине.
Вот сцена в духе зрелого Феллини:
старушка пыль и пот смывает с ног

святой водой. Её прощает Бог,
хранящий честно местные святыни
от посягательств: белых стен твердыни
поляк, как ни старался, взять не смог.

Здесь в клиросе поют здоровым басом,
пекут хлеба, в жару торгуют квасом,
твердят молитвы, служат, ладан жгут...

Сдержки упрёк, хоть он вполне заслужен:
им именно такой от жизни нужен
наивный, бестолковый, но уют.

Павловск. Летящий Меркурий

Пройди, свернув налево, от Моста
кентавров к дому Павла метров триста —
увидишь бога: мысль его чиста,
по каске в нем узнаешь Трисмегиста.

Став на струю воздушную, уста
приотворив, вещает голосисто
на чистом древнегреческом — пуста
речь Эрмия для смертного туриста.

О, красноречье олимпийской плоти!
Немая весть, застывшая в полете,
напрасно дразнит зрение и слух.

Глашатай, облачённый в шлем крылатый,
что скажет он эпохе глуховатой?
Век бронзовый, как варвар, тугоух.

Мидас

Ни пить, ни есть, ни друга обнимать —
творить один металл холодноватый.
Иди к Нему, проси назад забрать
несчастное богатство, дар проклятый.

А если бы слышал и помог,
избавил, окунул, как в мифе, в реку,
отдал бы ты золотоносный слог
для милых благ, доступных человеку?

Отдал бы? Нет. Ведь жизнь того не стоит.
Пусть старатель жалкие присвоит
от мусора, от мутного песка

отмытые крупницы — в том нет чуда.
Коснись душой до косного — оттуда,
как смысл, блеснёт нетленная тоска.

* * *

Мы — два грозой зажжённые ствола.

Вячеслав Иванов

«Мы — два грозой зажжённые ствола».
Вернее, три: он в старшую влюбился,
потом она скончалась — он женился
на дочери. Такие вот дела.

«Два молнию похитивших орла».
Как водится, любовь, что изначально
возвышенна, кончается печально:
сонетом или повестью. Тела,

не помня зла и мук душевной мути,
недолго добираются до сути:
«до ярых нег змеиного узла».

Не душ, а тел союз — увы! — не вечен,
не важно, целит в сердце или печень
«одной судьбы двужалая стрела».

Из Шекспира

В тот светлый день, когда под чёрным слоем
гнилой земли схоронят мой скелет,
мой верный друг, тетрадь мою открой им
и покажи им лучший мой сонет.

Пусть они сочтут его безделкой,
и ты с улыбкой важною сравни
их гладкий слог с его простой отделкой
и автора упрёком помяни:

«Его талант, до времени развитый,
неопытность трудом преодолев,
достиг бы славы, Музу пышной свитой

украсил бы, как гордых королев.
Вы — мастера. Он рано стал немым,
но был мне друг и будет мной любим».

* * *

1

В том глухом пространстве, где наша речь
не сумеет выразить боль, обиду,
где одной прямой суждено пересечь
параллельную ей вопреки Евклиду,
там-то мы с тобой из упрямых двух,
обманув судьбу, сотворим десятку,
но не здесь, где музы терзают слух
и философ может призвать к порядку.

2

Вот у греков здорово: семь любвей.
По порядку: сторге — та к маме, к папе,
к другу — филия, мания — всех сильней,
потому что безудержней всех, агапе —
та влюблённых ввысь к небесам влечёт,
бурный эрос в сердце кипит, как магма,
а ещё есть флирт, деловой расчёт,
говоря по-гречески, людус, прагма.

3

Нет, никак не встретиться нам с тобой:
ты-то будешь с этими, а я с теми.
Потому любовь — невозможный сбой,
потому несносна любой системе,
потому не встретиться, не совпасть
в безнадёжно плоском нелепом мире.
Одержимость — мания, эрос — страсть,
а любовь — любовь, дважды два — четыре.

Экфрасис

А. Г. Машевскому

Ассирийский царь поражает льва
(мне запомнился тот рельеф):
хорошо натянута тетива,
хорошо умирает лев.

Ну а царь как будто бы ни при чём,
не считает славных побед:
тот пронзен стрелой, тот сражен мечом,
у того перебит хребет...

Бог войны, доволен ли ты уже,
и когда же твои храбрецы, скажи,
обретут оружие не для жертв,
власть двужильную не для лжи?

Беспрестанно подвигам их дивлюсь
здесь, в Ниневии на Неве.
Но о том рельефе забыть боюсь,
о царе, об убитом льве.

* * *

Наш могучий корабль дождался беды,
и над рубкой, напряжась, дрожала лебёдка,
ибо с боем сдавались столетние льды,
уступая напору его подбородка.

Пусть об этой борьбе не узнает никто.
Ледокол из капкана, уверен и мрачен,
выплывает, долбя ледяное плато,
то есть делая то, для чего предназначен.

А иначе он грозной своей красоты
не покажет, не выявит, не обнаружит,
этот буйвол атомный, крутящий винты
среди колкого ветра, арктической стужи.

* * *

Любови Павловне С.

Обаяньем поблекшего блеска
искушенному сердцу близка,
словно стертая временем фреска
среди голых руин и песка.

Только здесь, в переходе, где между
тьмой и тьмой нам дарована речь,
мы отважно лелеем надежду.
Обещанием будущих встреч

здесь последний, как первый, обманут.
И в тумане не видно лица.
Жаль, что в бездну черты твои канут
прежде, чем доберусь до конца.

Льдина

И. Ф. Анненскому

Я не понял сперва: вдалеке
то ли лёд... то ли лебедь была.
По разбуженной черной реке
уплывала на запад, бела.

Провожая, я думал: «скользи,
твой печальный прекрасен полёт!»
Я не знал, я не видел вблизи
этот жёлтый мучительный лёд.

«Покидая наш сумрачный край —
не на год, а навек, — может быть,
в раскалённый сверкающий рай
ей не хочется, тающей, плыть?»

Потому не умею — о нет! —
за презрение к малой беде
полюбить торжествующий свет,
захлебнувшийся в талой воде.

* * *

Свет, состоящий из
сгустка фотонов, мне
напоминает фриз
слившихся не вполне
всадников, лошадей,
скачущих к нам сквозь мрак
времени, где людей
не различают, как
не различают лиц,
сколь ты ни одинок —
только толпа частиц,
слившаяся в поток.

Именно потому
свет — верховой, гонец,
опережает тьму.
Как золотой венец,
свет одевает храм,
верхнюю его треть,
чтобы прорваться к нам
прежде, чем умереть.

* * *

«...И не вступлю при плесках в Капитолий».
Так он и не вступил. Сошёл с ума.
Пытался застрелиться. Худшей доли
не выдумать. Прижизненная тьма.

А ты хотел бы как? От диабета?
От язвы, от инсульта и т. п.?
Всё выход для бессмертного поэта,
но только не к протоптанной тропе

и памятнику. Горькая планида!
Забвение отверзло злую пасть...
А нынче без ку-ку и суицида
в тот самый Капитолий не попасть.

* * *

Сон и Смерть, говорят, похожи.
Брат с сестрой, близнецы, вас не
различают почти, и все же
я боюсь умереть во сне.

Ни петля, ни расстрел, ни плаха
не страшат меня наяву —
я боюсь умереть без страха,
не почувствовав, что живу.

Подлиннее мне век отмерьте —
все равно вопреки уму
я боюсь не дожить до смерти,
но любую ее — приму.

От ножа, от чумы, от пули —
все равно, я не их боюсь:
про живых говорят — уснули,
может, я, умерев, проснусь.

Сосед

На кой черт он приперся опять в середине недели?
Вот одежду развесил, учебники выставил в ряд.
И пошел разговор. До двух ночи мы с ним просидели.
Говорили так много, что, чувствую, скулы болят.

Он спросил о поэзии. Что же он хочет услышать?
Что ни скажешь, банально, общо или правды в том нет.
Непривычно, как будто с глухим, но пытаешься выжать
из себя что-то путное (лишь бы не принял за бред

сумасшедшего). Эти сусальные фразы — откуда:
«...так корабль по звездам без компаса в море плывет
к неизведанным странам... она невозможна без чуда...»?
— отвечаю как есть: все равно ничего не поймет.

«...Лучший повод, чтоб жить... Величайшая в мире утеха...
Без нее этот мир бы не стоил почти ничего...
Да и мы вместе с ним...» Ну а если бы он не приехал?
Что б я делал тогда без него?

* * *

Ну как можно солнце назвать спесивым,
даже в басне, стараясь улучшить нравы?
И никто не скажет тоном учтивым:
мол, Иван Андреевич, вы не правы.

Но Ивану Андреевичу разве
нужно помнить о строгом научном взгляде?
Ничего не слышал, увы, о плазме
и о синтезе лёгких ядер.

Это ведь совсем недавно стало известно.
А про солнце можно сказать, наверно,
что оно величественно, помпезно,
иногда, допустим, высокомерно,

но никак не спесиво. Напротив, мне бы
рассказать вам следовало об этом:
в прошлом веке солнце сходило с неба
и о чём-то беседовало с поэтом.

Вячеслав Иванов

А. А. Пурину

Перемалывал тонны породы
архаической: гимны да оды.
Яркий смысл пытался извлечь.
Золотистая тайна блестела,
на зубах невозможно хрустела
эта крупнозернистая речь.

В нешлифованной, дикой для уха
только трудолюбивого духа
первозданная мощь без прикрас...
А казалось, что предан забвенью,
одинокой тоскующей тенью
навсегда заслонённый от нас.

Рельефы из Амарны

Ты, Атон, мерцающий звёздный сор
золотой ладонью с неба стряхнул,
широко объятия распротёр,
мне навстречу яркие распахнул.

Ты, Атон, разогнал непроглядный мрак,
разгораясь всё горячей,
всё смелей — и сердце моё никак
не укрыть от щедрых твоих лучей.

Но наступит ночь, и потом опять
ослепительный грянет день,
и тебе придётся, Атон, сиять,
мне — исчезнуть, сгореть, как тень.

И когда мне жаркую руку дашь,
я свою протяну в ответ,
потому что твой (и отныне — наш!)
беспощадный не страшен свет.

* * *

Как повезет:
пир или труд.
Каждый живет
как назовут.

Имя — не блажь,
имя — не ложь:
не передашь,
не отберешь.

Выменял — нем.
Руку кладу:
с именем тем
буду в аду.

Как сочинил,
так и живу:
как Даниил
с львами во рву.

* * *

Кисть для рисованья. Номер девять.
Беличья, пушистая. Не суть.
Можно книгу старую подклеить
или с ноутбука пыль смахнуть.

Я купил вчера в дешёвой лавке
это чудо. Золотой отлив
гильзы к лаку ручки жмут канавки,
в два ряда по кругу обхватив.

Если б ты, о кисточка, умела
чувствовать, то, верно, никогда
мной тебе назначенного дела
делать бы не стала от стыда.

Ты сестра одной из тех строптивиц:
на автопортрете, в колпаке
нищий нидерландский живописец
держит кисть, как скипетр, в руке.

Жалость к бесприютному предмету
не могу я в сердце побороть.
Кисточка, зачем же ты поэту?
И зачем поэт тебе, Господь?

Воздух

Взмывая по трубам, он вспомнил, как мальчик
флакончик и палочку вынул из ранца
и ловко наполнил им радужный мячик
из полупрозрачного мыльного глянца.

Наверное, в этом свобода. Границы
тесны человеку, а духу и чувству
просторно в органе, как в горле у птицы:
то горлицу тешит, то служит искусству.

Ему всё равно, что пузырь, что маэстро,
играющий фугу, что голубь, что кочет —
ему не важны обстоятельства места.
В Писании сказано: «дышит, где хочет».

* * *

Этот лес — собеседник: я с ним только вслух говорю.
Вот береза и дуб, вот ольха обнимается с клёном,
вот осина и вяз... Словно лиственный лес к сентябрю,
ты годам к двадцати устаешь притворяться зелёным.

Налетающий ветер с деревьев сдувает листья,
не стыдясь наготы, обнажаются сонные рощи,
так годам к двадцати вместо сложной своей красоты
обнажённая жизнь предъявляет картину попроще.

Вопреки тебе, грек, дважды два не равно четырём.
Правду слов этих мы доказать не однажды умели.
Мы живем. Если так, значит, мы никогда не умрём.
Никогда не умрём... О несносные сосны и ели!

* * *

Хорошо, хорошо побродить одному
в зимнем парке, весь мир и себя позабыв.
Этот ворон на ветке — не скажешь ему,
до чего же он, чёрный, красив.

Равнодушная сказка из снега и льда.
Потому, потому так люблюсь зимой,
что горячая жизнь мне казалась всегда
торопливой, настырной и злой.

Злое солнце растопит хрустальные сны,
злые листья повсюду начнут зеленеть.
Я боюсь этой чёрной, как ворон, весны.
Я от жизни боюсь умереть.

Потому не люблю эту страсть, этот зной,
что родная душа не бывает такой.
Только мысли укол, только ветер сквозной,
только зимний прозрачный покой.

Эрмитаж

1. Тициан, «Святой Себастьян»

Этот мрак клубящийся, а не
солнце нестерпимых вечных мук
зримее, увы, на полотне,
ибо факел веры, римский лук
и лучи разящих острых стрел
хаоса не в силах побороть,
сколько бы влюблённым ни смотрел
взором на терзаемую плоть.

2. Ватто, «Савояр с сурком»

Попрошайка с золотым гобоем
обнял прорицателя-сурка.
Веришь им, обманщикам, обоим:
жизнь волшебна, смерть, как сон, легка.
Этот мир лишь в сказках настоящий,
и, совсем как в сказке, может быть,
только нищий, скипетр держащий,
в силах этот мрак остановить.

3. Рубенс, «Вакх»

На холсте не дяди и не тёти:
горы бёдер, ягодиц, грудей, —
парадиз бесполой, праздник плоти.
За здоровье всех живых людей

кубок поднимает бог дебелий.
Я, клянусь торжественно, служу
этой вечно пьяной, обалделой,
тигра попирающей, всецелой
жизни, отвергающей ханжу.

4. Рембрандт, «Даная»

Не напрасно муж ревнивый прячет,
укрывает нежную во мглу.
Но о чём-то плачет, плачет, плачет
бог обезоруженный — в углу...
И герои землю не покинут,
не придут последние века,
если будет полог отодвинут
и вперёд потянется рука...

* * *

Е. С.

1

Из какой-то щедрости, по благодати
труднообъяснимой нам с тобой
выше меры, больше всякой радости,
близости, влюблённости любой
лишнее, больное, не сводимое
к сумме обстоятельств, лишь одно
глупое, святое, может, мнимое
счастье неоплатное — дано.

2

Говори, всё равно о чём.
Нависающий голубой
небосвод подпирает плечом —
без оглядки болтать с тобой.

Твой живой разговор и смех,
весь твой нежный и хрупкий вид
держат небо надёжней всех
молчаливых кариатид.

Словно нет уже никаких
несомненных опор, основ
кроме этих твоих, моих
самых смертных, банальных слов —

и не рухнет проклятый мир
лишь по нашей с тобой вине.
Или призваны мы на пир
с олимпийцами наравне?..

3

Стань деревом, прибрежным тростником,
стань дудочкой, а глупый страх отбрось,
ведь не тобой влюблённый бог влеком,
а музыкой, пронзающей насквозь.
Не замедляя бега, перестань
бояться Пана грубого, и впредь
не уступая, дудочкою стань:
одна она, пустая, может петь.

4

За славой охотиться ты не будешь,
за золотым тельцом и подавно.
И даже тот, кого ты так любишь, —
не цель, но повод спросить о главном.

«Мне нужно то, чего нет на свете», —
сказала Гиппиус Зинаида.
И нам, растерянным вечным детям,
смешным, взрослеющим лишь для вида.

...И всё же тот недоступный, дивный,
несуществующий приз особый
верней искать у любви наивной,
а не у музыки высоколобой.

Рентгенография

Не торопишься умирать,
любишь музыку и стихи,
чтобы сладко так замирать
от возвышенной чепухи.

Ну а он, темноту любя,
как затворник, сидит внутри.
На единственного себя —
на бессмертного посмотри.

Жизнь, которой живешь сейчас,
не плохая, а всё ж не та:
только скучный её каркас
или розовая мечта.

А когда-то не отличал,
всё понять и любить готов,
от счастливых её начал
самых косных её основ.

* * *

Девичий дворец какой-то, рюшечный.
Бешеная трудится гидравлика.
То ли дело в Пруссии игрушечной,
в королевстве маленьком у Павлика!

Вот бы где блеснуть, играть в солдатиков!
Позументы, ментики и фантики...
Но неотличимы от фанатиков
с властью обручённые романтики.

То дворец, то каменное крошево...
Вот зачем, как на доске разделочной,
отделять плохое от хорошего
не решаясь, держимся за мелочи.

* * *

Если бог в огромном кинозале
за земными кознями следит
с самого начала, то едва ли
не скучает бедный или спит.

То в камзоле, то в комбинезоне,
то в скафандре, занятый игрой,
в миллион стотысячном сезоне
вечный примелькавшийся герой

не устал казаться настоящим.
Кем придуман, кем руководим,
замышляет зло перед смотрящим —
дремлющим, всеведущим, благим?

Ангельское воинство ни разу,
вспрянув, добрый бог не двинет в бой.
Только бдящим миллионоглазым
небом наблюдает за тобой.

* * *

Поезд уходит по рельсам и шпалам
прямо в широкое пламя заката.
И неожиданно сделалось малым
всё, что великим казалось когда-то.

Нам ли отказано в жизненной силе,
или любить не хватает отваги?
Или взаправду мы счастья вкусили,
словно блаженные те лотофаги?

* * *

Страсти роковые, переезды,
рауты, концерты на дому —
и во всём паскалевские бездны
чёрные мерещились ему.

В этом мире сумрачном и сером
одинокой маленькой душе
каково назваться камергером,
цензором, внештатным атташе?

Каково любить литературу,
обсуждать политику, пока
в Петербурге ноль по Реомюру
и звезда любая далека?

* * *

Эта в шлеме сдвинутом Паллада
слишком безупречна и чиста:
ничего ей, мраморной, не надо,
и кривит презрительно уста.

Видишь ли, народы все и земли —
преданные данники её,
ревностные слуги (не затем ли
щит несокрушимый и копьё?).

Только я, наверное, покину
хладную начальницу наук —
плоть живую, мыслящую глину,
душу впредь не выпущу из рук.

Дворец соляного налога в Чанчуне

Разводить цветочки в саду, балдея,
не пасти какого-то там народа.
Он и сам прекрасная орхидея
под присмотром доброго Садовода.

Беспольным хищным цветком родиться
и беспомощным, кстати, — не так уж плохо.
Он куда удачливей, чем пшеница,
ускользнувший из-под серпа. Эпоха

извращенца маленького, садиста
возвышает чуть ли не до святого...
Или, правда, чистым всё будет чисто,
или смысла в этом нет никакого.

Сидя вечером за уравнениями

По спиральке кружится предельный
цикл. И тут — сплошные церемонии!
Не сойти нам с рельсов самодельной
глупой и хохочущей гармонии.

Словно сам с собой играет в прятки
бестолковый разум человеческий.
Слишком разрешимые загадки
сочиняет с нежностью отеческой

главный вычислитель недвуличный
(вечность бы вертелся и увиливал),
лишь бы смысл какой-то симпатичный
всё нам улыбался и подмигивал.

* * *

Эту жизнь подносят тебе к лицу —
и, конечно, конечно же, ты не прав,
не любя какую-нибудь пыльцу,
или шерсть, или запах бредовый трав.

Доставай скорей носовой платок,
принимай немедленно препарат!
До чего волнителен и глубок
этот вечный ваш роковой разлад...

Дотянуть до лета — и вот опять!
Словно гость непрошенный ты теперь:
намекают, смотрят, дают понять,
но пока не указывают на дверь.

* * *

— Потому что приблизился срок
и лучи начинают слабеть —
топинамбур, монарда, вьюнок,
колокольчики — нужно успеть
улыбнуться последней красе...

— И банальную вспомнить печаль.

— И не зелени яркой, а всей
обезумевшей жизни мне жаль.

— Неужели несчастьем чужим
ты так искренне тронут? Давно?
Не любя её боль и нажим,
невозможно быть с ней заодно,
с чередой неизбежных побед
и всегда восполнимых потерь...

— Если связи действительно нет,
то какая открылась теперь?

* * *

...возникает особая пауза —
неуместная и бессмысленная...

Е. Невзглядова

Монетный двор, собор, цейхгауз,
тюрьма и нельская вода.
От бесполезных этих пауз
тебе не деться ннкуда.

Пусть мы кого-нибудь обидим,
пускай другие города
уже, быть может, не увидим
и не полюбим никогда,

любить ампирный и барочный
нам помогает, например,
полурасшатанный, но прочный
и неуступчивый размер.

И не дворец, не мостовую
лелеем, словно бы боясь,
а эту странную, живую —
увы, единственную — связь.

* * *

Тамерланова скачет конница.
Прочитай о них — и забудь.
Хорошо, если здесь всё кончится,
не продолжится где-нибудь.

Сердце, ты из-за всякой малости
будешь долго ещё болеть.
Ещё нет никакой усталости.
Хорошо, что так мало жалости
и так хочется пожалеть.

* * *

Сибариты, синдики, левиты,
вымышленным гордые уделом,
не заметны и не знамениты,
воздухом питаюсь загустелым,

не устанем ратовать о мнимых
благах под немymi небесами.
Ты сиди себе на херувимах,
почивай — мы сделаем всё сами:

выпилим, обтешем, перетащим,
возведём, нарядим — всё как надо.
Лишь бы ты казался настоящим,
любящим, не выгнавшим из сада.

Содержание

«Страшно ночью в купе одному...»	5
«Чем пахнет роза? Розой. Синестет...»	6
«Приятно думать, что Державин...»	7
«Ни маршалом, ни космонавтом не стал...»	8
«Как будто нужно тёте Тане...»	9
Троице-Сергиева лавра	10
Павловск. Летящий Меркурий	11
Мидас	12
«Мы — два грозой зажжённые ствола»	13
Из Шекспира	14
«В том глухом пространстве, где наша речь...»	15
Экфрасис	16
«Наш могучий корабль дождался беды...»	17
«Обаяньем поблекшего блеска...»	18
Льдина	19
«Свет, состоящий из...»	20
«...И не вступлю при плесках в Капитолий“...»	21
«Сон и Смерть, говорят, похожи...»	22
Сосед	23
«Ну как можно солнце назвать спесивым...»	24
Вячеслав Иванов	25
Рельефы из Амарны	26
«Как повезет...»	27
«Кисть для рисования. Номер девять...»	28
Воздух	29
«Этот лес — собеседник: я с ним только вслух говорю...»	30
«Хорошо, хорошо побродить одному...»	31
Эрмитаж	32
«Из какой-то щедрости, по благодати...»	34
Рентгенография	36
«Дёвичий дворец какой-то, рюшечный...»	37
«Если бог в огромном кинозале...»	38
«Поезд уходит по рельсам и шпалам...»	39
«Страсти роковые, переезды...»	40

«Эта в шлеме сдвинутом Паллада...»	41
Дворец соляного налога в Чанчуне	42
Сидя вечером за уравнениями	43
«Эту жизнь подносят тебе к лицу...»	44
«— Потому что приблизился срок...».	45
«Монетный двор, собор, цейхгауз...»	46
«Тамерланова скачет конница...».	47
«Сибариты, синдики, левиты...».	48

Литературно-художественное издание

Крылов Данила Андреевич

ФУГА

Ответственный редактор *А. Поташева*
Художественный редактор *Д. Поташева*
Корректор *В. Павлова*
Верстка *В. Земских*

Подписано в печать 20.03.2026.
Формат издания 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 3,3.

Издательство «Пальмира».
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8, лит. А, пом. 19-Н.

ООО «Руграм».
109147, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23, пом. 1, ком. каб. 32.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.
www.letmeprint.ru

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

